

поста с Алексеем Струниным поновлял Яковлевские пятилистовые иконы. В пост же красили архиерейский стол круглый на одной ноге по иноземски» (стр. 111). «На третьей неделе Благовещения ходили на Троицкий Ухтоостров с Алексеем Струниным и Михаилом Онегиным и подрядились церковь поновлять да и новья писать рядили деньгами и хлебом». «На шестой неделе того же великого поста в большой Преображенский собор красили около престола мост» (стр. 112). «К вербному воскресенью строил с братом архиерею три вербы; цветы деланы из белого железа и цвечено, а листы и винограды восковые; обвивано прутье шелковою бахромою» (стр. 112).

К 1701 г. относится заметка: «После пасхи красили и писали из палат архиерейских выходное крыльцо к собору с воротами и до собору с перилами на мосту» (стр. 118). Другой источник дает более подробное описание этих работ: «Пристроив к храму северные и южные паперти, западные с ея тройными входными дверьми расписал (Афанасий, — В. Б.) разными красками зело узорочно священо-историческими и аллегорическими сюжетами до изображения небесного движения солнца и луны и звездного течения на своде притвора включительно».¹⁶

Таков весьма обширный и разнообразный перечень художественных работ, в которых участвовал автор: иконописание, золочение, декоративные росписи и оформительские работы, копирование лицевых рукописей, парсунное письмо — все это составляет круг занятий, типичный для художника конца XVII в.

Как исторический документ летопись представляет собой несомненный интерес, поскольку автор проявляет себя живым и внимательным наблюдателем всех происходящих перед ним событий.¹⁷

Нередко автор проявляет себя подлинным художником слова, как например в описании картины похорон царицы Наталии Кирилловны, свидетелем которых он был. «Ианнуария в 25-й день, во втором часе дня, в день недельный, до литургии, на Иване Великом в Успенский колокол ударили три раза гораздо не скоро — крепко, того часа преставися к богу, отыде в вечное блаженство благоверная царица и великая княгиня Наталия Кирилловна ... на другой день хоронили в Вознесенском монастыре, где изначала кладутся царицы и царевны, в соборной церкви. Несли оное тело сверху минуя Грановитую палату и Красное крыльцо, через крыльцо, которое за медною решеткою. И как несли, в то время на Иване Великом во все колокола звонили не вдруг, все по одному колоколу перебирали, с малых до больших. А несли тихо. В препровождении были: святейший патриарх со архиереи и власти в темном одеянии и государь царь Иоанн Алексеевич с царицы и с бояры — все в простом платье, в черном все, и возники двойками шли черные и сани под черным сукном обиты» (стр. 73).

Однако наибольшую ценность для нас представляют сведения о событиях художественной жизни Холмогор, особенно ввиду утраты самих произведений живописи этого времени.¹⁸ Косвенные факты указывают на то,

¹⁶ Там же, стр. XVII.

¹⁷ Например, летописец под 1699 г. повествует, что в доме архиерейском жил «раздьякон» (разжалованный) который был пожизненно выслан из Москвы в Соловки «за его спор и слова, что российская церковь соединится с римской». Узник писал для архиерея книги и за время своего заточения исписал стены кельи стихами собственного сочинения. Автор добросовестно переписал все стихи и включил их в свои записки для осведомления читателей. Интересна деталь, свидетельствующая об известной образованности автора: для зашифровки некоторых сведений он употребляет латинский шрифт.

¹⁸ Икона «Прокопий и Иоани Устюжские» в музее «Коломенское», которая происходит из холмогорского Спасо-Преображенского собора, по нашему мнению, была написана в Устюге.